

У нас в гостях

Андрей Григорьевич Здравомыслов

Профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, основатель “Сообщества профессиональных социологов” А.Г. Здравомыслов занимается социологией еще с аспирантуры Ленинградского университета, обучение в которой завершилось защитой в 1959 году кандидатской диссертации. В своих исследованиях соединяет интерес к теоретической социологии, в том числе к ее методологическим аспектам, с анализом данных эмпирических исследований.

Основные публикации: “Проблема интереса в социологической теории” (1964), “Человек и его работа” (1967; в соавторстве с В.А. Ядовым и др.; переиздана в 2004 году), “Методология и процедура социологических исследований” (1969), “Потребности, интересы, ценности” (1986). В последние годы им опубликованы: “Социология конфликта”, “Международные конфликты в постсоветском пространстве”, “Социология российского кризиса”, “Немцы о русских на пороге нового тысячелетия”. Постоянный автор таких периодических изданий, как “Социологический журнал”, “Общественные науки и современность”, “Социологические исследования”.

Андрей Григорьевич был гостем ФОМ-Клуба. Предлагаем читателю ознакомиться с его ответами на вопросы, которые задавали члены Клуба.

? 1. Социология развития и/или Развитие социологии

Г.К. Витрук. Здравствуйте, Андрей Григорьевич! В мире все взаимосвязано и все меняется.

На мой взгляд, социология – одна из тех наук, которая изучает как раз не только взаимосвязи сегодня (как бы разрез статического состояния), но и развитие взаимосвязи. Анализ изучения невозможен, на мой взгляд, без применения критериев *нормы (здоровья)*. Иначе как определить, насколько нормально состояние сознания общества и насколько нормально развитие этого общества, в ту ли сторону идем?

Есть ли в современной социологии понятие нормы состояния и нормы развития? Если есть, то они должны быть признаны всеми социологическими слоями (наука, политика, религия, бизнес и т. д.)?

Если нет, то ведется ли где-либо и кем-либо работа по определению критериев *гармоничного развития* – как *нормы*?

В различных доктринах и концепциях – государственных и международных – есть формулировки КУР – концепции устойчивого развития (достаточно неопределенные, как мне кажется), сформулированы права человека – узаконенные показатели нормы человеческих взаимоотношений. Но “устойчивый” – это следствие “гармоничный”. Ведь если развитие взаимоотношений идет гармонично, то конфликты (показатель качества взаимосвязей) не возникают, так как развитие согласованное и сонастроенное.

При этом я нигде не обнаружил даже упоминающий об основополагающем, на мой взгляд, праве человека – *праве человека на гармоничное развитие*. Может ли социология помочь выработать формулировку и принципы реализации данного права?

На мой взгляд, истоки всех конфликтов (войны, террор, разводы в семьях, болезни) лежат в плоскости негармоничного развития человека и общества.

Надеюсь, что если все-таки удастся объединенными усилиями заинтересованных в собственном развитии (желательно: гармоничном = устойчивом) сторон (например, я + Вы + кто еще?) определить принципы и признаки гармоничного развития, то удастся найти эффективные способы преодоления конфликтов разных уровней; способы профилактики конфликтов; способы антитеррористического просвещения и т. д.

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Герман!

Спасибо за вопрос, который мне дал возможность еще раз обратиться к моей излюбленной теме – социологии конфликта как средству понимания реальности.

Я несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Отчасти это произошло потому, что в нем содержится сразу довольно большой круг вопросов. Я насчитал по крайней мере порядка восьми вопросов. Но я их попытаюсь объединить в четыре позиции.

Россия в данный момент характеризуется состоянием аномии, то есть отсутствием норм, которое наступает всегда в период решительных переломов

1. Вопрос о норме в общем плане в социологии имеет довольно большую традицию. Например, это одно из главных понятий в теоретической системе Талкотта Парсонса. Это особенно ясно в его работах, посвященных теории социального действия. По сути дела, этот автор обращает внимание на норму как на основной механизм регулирования целеполагания. При разработке этой идеи он опирается на уже имеющуюся традицию, которая восходит к французскому классическому социологу Эмилю Дюркгейму – теоретику солидаризации (см.

подробнее об этом в работах А.Б. Гофмана). В российской литературе на эти идеи обращал внимание еще раньше Богдан Кистяковский (работа “Критерии необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений”), а в советское время – Юрий Александрович Замошкин, который проводил различие между нормами-целями и нормами-долженствованиями. В свою очередь, он опирался на идеи Роберта Мертона и Макса Вебера. Последний проводил различие между двумя видами рациональности – целеполагающей и субстанциональной. Это, кажется, и есть главный вопрос, который Вас интересует.

2. Пойдем дальше. Вы спрашиваете о том, как должны быть признаны эти теоретические положения. Да, Вы правы, есть Конституция, которая и есть практическое признание со стороны общества-государства базовых норм. Но разработка Конституции и Гражданского кодекса осуществляется вовсе не на основе социологического теоретизирования и признанных в социологии теорий. Отчасти потому, что в социологии далеко не все направления исходят из идеи нормативности. Феноменологическая социология по своему определению не рассматривает эти вопросы, а сейчас это наиболее влиятельное направление в системе преподавания. С другой стороны, Конституция и законы, на ней основанные, представляют собою нормативную базу общества. Особенно в тех случаях, когда законы опираются на развитое правосознание и когда люди с молоком матери усваивают различие – что можно, допустимо, а что недопустимо и нельзя делать. Россия в данный момент характеризуется состоянием аномии (то есть отсутствием норм), которое наступает всегда в период решительных переломов.

Заметьте также, что принятие Конституции или любого иного нормативного документа не является результатом научной деятельности. Это результат политической борьбы, и любая конституция – своего рода компромисс между политическими силами, участвующими в его разработке. Наука не может нести ответственность за политику. Лучший ее результат – подготовка кадров, которые бы могли усвоить достижения научной мысли для будущих политиков или руководителей крупного бизнеса.

3. Далее Вы переходите к идее гармонического развития. Я не знаю Ваш возраст, но, исходя из Вашего вопроса, предполагаю, что Вы не знакомы с советской системой воспитания гармоничной

личности или всесторонне развитой личности. Это ведь один из постулатов утопического коммунизма, перенесенный уже в советское время в Программу КПСС. Ясно, что трансформация социальных отношений предполагает отказ от всякого рода утопических – невозможных для реализации – проектов. Гармония бывает как миг, момент переживания счастливого состояния, когда вы добились серьезного успеха. Но через некоторое время у вас появляются новые желания, и так без конца. Если же под гармонией понимать состояние покоя, то, по сути дела, оно наступает тогда, когда в душе человека умирают все желания. А пока он жив, разные желания, интересы, стремления влекут его в разные стороны, и ему предстоит ежедневный выбор между ними.

4. Так что конфликт неустраним ни из индивидуальной, ни из групповой, ни из социальной жизни. И такую задачу, как устранение всех конфликтов, ставить бессмысленно. Конфликты стимулируют, порождают изменения. Это одна из основополагающих идей современной социологии. Подробнее об этом см. в моих двух книгах: “Социология конфликта” (последнее издание 1996 года) и “Социология российского кризиса” (1999 год).

Вопрос в том, как относиться к конфликтам. Лучшее, что может посоветовать социология и что она советует, – это изучать конкретные конфликты и способы их развертывания. При этом мы исходим из того, чтобы по возможности найти способы урегулирования конфликта или согласования интересов сторон, найдя точки пересечения этих интересов. Если таких точек не обнаруживается, то надо признать несовместимость конфликтующих позиций и разойтись, хотя бы на время, пока не изменится ситуация. В этом, по сути дела, и состоит если не гармоничная жизнь, то по крайней мере нормализация отношений. Нужно уметь признавать различие, несовпадение интересов лиц, сторон, политических партий, членов семьи и т. д., чтобы делать жизнь свою собственную и других людей переносимой. При этом надо иметь в виду, что некоторые участники конфликта могут провоцировать конфликтные ситуации в своих целях и интересах, иногда вполне отчетливо сознавая эту свою провокационную деятельность, иногда стихийно подталкиваемые к разжиганию конфликта на основе интуиции или прорыва накопившихся эмоций.

Этим я ограничусь, for every man has business and desire such as it is.

2. Современные тенденции в политической жизни России

Ю.С. Тищук. Мой вопрос краток, но непросто. Всем понятно, что в последние годы политическая жизнь страны крайне динамична. Настолько, что даже известные политаналитики не могут достоверно назвать основные тенденции ее развития и спрогнозировать, во что они выльются хотя бы через год. Суверенностью заявляю, что в современ-

Нужно уметь признавать различие, несовпадение интересов лиц, сторон, политических партий, членов семьи и т. д., чтобы делать жизнь – свою собственную и других людей – переносимой

ности политика пронизывает все сферы жизнедеятельности общества без исключения. *Наша жизнь – политика* (лишь в разных аспектах). Именно поэтому необходимо выяснять, так какие же тенденции можно выделить как основополагающие, т. е. которые зарождаются сейчас и останутся основными на ближайшие несколько лет? Сможете порассуждать по этому поводу? Или, может, таких тенденций вовсе и нет?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Юлия Сергеевна! Давайте попробуем порассуждать. Но важно выбрать предмет рассуждения. То, что Вы предлагаете, называется политологическим прогнозом. Исходное Ваше суждение о том, что наша жизнь вся пронизана политикой, мне представляется абсолютно верным. Это действительно так!

Теперь следующий тезис. Чтобы заглянуть в будущее, нужно внимательно присмотреться к прошлому. В то же время важно выбрать масштаб: сколько отдаленное прошлое?

Ограничимся пока путинским и ельцинским периодами.

Для путинского периода характерна неустойчивая стабилизация. Это особенно отчетливо просматривается при сравнении с периодом ельцинским, который означал полную дестабилизацию. Основной итог ельцинского периода – создание неуправляемого олигархического режима, который называли по-разному: “бандитский

капитализм” – наиболее часто встречающаяся формула¹.

С точки зрения социолога, наиболее интересен был поворот от массовой поддержки к массовому негодованию по отношению к режиму власти. Перед Путиным стояла сложнейшая задача – восстановить доверие к государству. И он кое-что сделал в этом направлении. Во всяком случае, об этом свидетельствует сохраняющийся высокий рейтинг президента. Некоторые аналитики полагают, что этот рейтинг выражает лишь надежду на лучшее будущее со стороны массового сознания. Думаю, что это верно лишь отчасти. Гораздо важнее то, что Путин дал понять, что государственная власть не будет идти на поводу у крупного российского капитала.

Иными словами, проект Путина, который он не особенно афиширует, состоит в превращении Российского государства в государство социальное. И в этом – одна из тех тенденций, которые Вы ищете.

Но именно – одна из тенденций, которой очень сильно сопротивляются две мощные силы, претендующие на полновластие в России. Во-первых, крупный капитал. Основная тенденция, связанная с его господством, – продолжать то, что было при Ельцине: обогащение верхов и превращение все большей части населения в нищих в буквальном смысле слова. В России продолжается процесс пауперизации. Преступность, бродяжничество, детская массовая беспризорность, оскорбительная политика по отношению к пенсионерам (путем монетизации льгот), удорожание жилья, алкоголизация населения, распространение наркотиков, прости-

вается идея его ненужности. Нужными чувствуют себя только успешные люди, а таких около четвертой части населения. Остальные либо разочаровались в своих притязаниях, которые столь четко руководили их поступками 15–20 лет тому назад, либо превратились в циников, которых не волнуют не только нужды общества, но и до своих ближних порою нет никакого дела.

Первая модель – *социальное государство* – одна из тенденций.

Пауперизация общества и его одичание на этой основе – другая тенденция.

Как правило, ни одна из крайних тенденций не может быть реализована в полной мере. История идет не по прямой, а с завихрениями. Непоследовательности гораздо чаще встречаются, чем реализация рациональных проектов.

Мне представляется, что до конца нынешнего президентства будут продолжаться колебания между этими крайностями.

Причина этому – наличие третьей силы в российском обществе (первая – это государство, представленное президентом, вторая – крупный капитал). Третья сила – государственная власть, представленная *классом чиновников*.

Чиновник – фигура промежуточная, стоящая между двумя первыми силами. Он хочет что-либо урвать от олигарха, воспользоваться ситуацией. И в то же время – не попасться с поличным при все более устрожающемся законодательстве.

Население же как таковое не включено в активный политический процесс. Оно – в настоящее время – вновь стало *объектом политики, а не субъектом ее*, как это представлялось в еще доельцинский, начальный период перестройки.

Более детальный прогноз должен был бы опираться на следующую эмпирическую базу:

- данные о распределении доходов, показывающие силу приверженности первому варианту и степень погруженности во второй вариант – в болото;
- детальный анализ законодательного процесса, включая практику лоббирования (в том числе выявление причин непринятия Закона о прогрессивном налогообложении);
- более основательное изучение центра власти, т. е. президентского окружения;
- перспективы завершения чеченского кризиса.

Население не включено в активный политический процесс. Оно в настоящее время вновь стало объектом, а не субъектом политики

туирование значительной части молодежи – все это разные аспекты пауперизации-бомжевания, которые все в большей степени становятся элементом повседневности, характеристикой российского образа жизни. Для многих людей сама жизнь не приносит радости, разочаровывает. Ее смысл теряется, ибо в сознание каждого настойчиво вдалбли-

¹ Картина трансформации умонастроений россиян детально представлена в монографии: Докторов Б., Ослон А., Петренко Е. Эпоха Ельцина: мнения россиян. М., Институт Фонда “Общественное мнение”. 2002. (Примеч. ред.)

Мне представляется также, что ФОМ мог бы многое сделать для прояснения ответа на поставленный Вами вопрос, если бы сказанное выше стало предметом обсуждения при формулировании оперативных задач опросов.

То, что я сформулировал, пытаюсь ответить на Ваш вопрос, можно было бы рассмотреть в качестве некоей исходной гипотезы.

3. Теория стратификации

В.А. Аникин. Уважаемый Андрей Григорьевич! Я хотел бы у Вас спросить про особенности понимания стилевой стратификации в рамках аукционистской (индивидуалистской) точки зрения – скажем, М. Вебером и Л. Тевено? В чем состоит преемственность взглядов французского социолога относительно толкования явления образования новых жизненных стилей и определения их границ? Предлагая новый взгляд на проблему согласования требований совершения действия, каким образом Тевено увязывает детерминизм ценностей со свободным выбором средств для их достижения?

С уважением, Василий.

А.Г. Здравомыслов. Здравствуйте, Василий! Ваш вопрос – сугубо профессиональный. Прежде всего в том смысле, что ответ на него предполагает самостоятельное исследование поставленной Вами проблемы. И возможно, что такого рода исследование могло бы быть предметом неплохой кандидатской диссертации, выполненной в рамках теоретической социологии.

Я не являюсь специалистом по современной французской социологии и могу лишь скорректировать саму постановку вопроса.

Прежде всего, в Вашем вопросе почему-то акционистская точка зрения (у Вас было написано “аукционистская”), то есть точка зрения теории социального действия, отождествляется с индивидуалистической позицией. На мой взгляд, это неверно. Далеко не все сторонники теории социального действия могут быть отнесены к индивидуалистическо-либеральной традиции в истории социологии.

Так, Парсонс, Хабермас, Бурдьё, Гидденс и другие современные теоретики – каждый по-своему – рассматривают социальное действие сквозь призму социальности как коллективности (а не только че-

рез идею смысла) – через понятие нормы, коммуникативного действия, социального пространства или структуризации. Куда ни кинь, всюду действие отнюдь не индивидуализировано, а социально. Вообще, на мой взгляд, категория социального действия является обобщающим и специфическим понятием (базовой категорией) современной теоретической социологии. Поэтому, кто бы ни занимался обсуждением теоретических вопросов в социоло-

Социология – одна из тех наук, которая изучает не только взаимосвязи сегодня (как бы разрез статического состояния), но и развитие взаимосвязи

гии, он не может уйти от интерпретации социального действия, от понятия актора (субъекта действия) и т. д. Здесь не только Вебер, но и Маркс, и вся классика социологии.

Что касается традиции, то Болтански и Тевено в своей работе “Социология критической способности” (“Журнал социологии и социальной антропологии”. 2000. № 3) обращаются к гораздо более широкому источникам – от “Града Божия” Св. Августина и от Т. Гоббса до Адама Смита и Сен-Симона (при этом ссылок на Вебера не наблюдается). Тевено в центральной своей работе “Об оправдании” (возможно, что уже есть перевод?) рассматривает способы легитимации действия, которые привязываются не к классам (марксизм – через классовый интерес), не к статусным группам (Вебер) и тем более не к человечеству вообще, а к характеристике некоторых “миров” (именно их Вы, видимо, имеете в виду, когда спрашиваете о жизненных стилях).

Мне представляется, что здесь можно гораздо явственнее обнаружить связь с основными идеями Хабермаса (противоположность “жизненного мира” и “системы”), чем с Вебером.

Напомню обозначения предлагаемых Тевено миров: 1. Мир вдохновения, 2. Домашний мир, 3. Гражданский мир, 4. Мир мнения, 5. Мир рынка, 6. Индустриальный мир (ук. соч., с. 76 и далее).

Здесь как раз недостает двух миров, на которых сосредоточено было внимание М. Вебера: мир воинский и мир институционализированной сакральности. А именно в понимании этих двух миров,

возможно, – ключ к пониманию истории XX века (если принять, что центральным его событием была Вторая мировая война) и к проблемам современного российского общества.

Связь же детерминации ценностей со свободой выбора Тевено осуществляет, разрабатывая центральные вопросы философии и социологии морали (здесь можно было бы обратиться к работам О. Дробницкого) – прежде всего, отталкиваясь от идеи справедливости и ее восприятия в рамках различных миров.

Через соотношение справедливого и несправедливого (действия) осуществляется регулирование свободы выбора. Но в каждом из обозначенных миров соотношение это – свое собственное. Так, то, что необходимо (справедливо) “вдохновенному сознанию”, может не совпадать с ценностями “домашнего мира”, и т. д. Описание этих миров весьма конструктивно – тем более что для этого используется и современная литература по менеджменту.

В российской традиции проблема легитимации действия тщательно исследовалась в художественной литературе. Например, при характеристике Катюши Масловой у Л.Н. Толстого четко выражена мысль о том, что любой человек, совершающий неодобряемый поступок, в своем сознании строит систему аргументов, оправдывающих его поведение в собственных глазах. Или Достоевский в “Преступлении и наказании” – обоснование убийства “никчемной старухи-процентщицы” весьма сложной аргументацией, выстраиваемой Раскольниковым и построенной на сопоставлении себя с Наполеоном, и т. д.

Через соотношение справедливого и несправедливого (действия) осуществляется регулирование свободы выбора

В собственно социологической литературе можно посмотреть Б. Кистяковского – “Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений” или “Необходимое и должное в культурном творчестве”. Думаю, что основной смысл публикаций Тевено заключается в привлечении внимания к проблематике нравственного выбора и ответственности в социальном дейст-

вии и анализе этой проблематики. О том же и моя публикация по поводу оценки экономической элиты массовым сознанием. Пока остановимся на этом. Но было бы неплохо продолжить в той или иной форме.

4. Социалистическая и современная трудовая мотивация

Ю.И. Феодоритов. Уважаемый Андрей Григорьевич! Первое издание “Человек и его работа”, увидевшее свет в 1967 году, превратилось в настольную книгу двух поколений отечественных социологов и переиздано в США, ГДР, Польше и Венгрии.

С тех пор минула эпоха – и все пертурбации происходили на Ваших глазах.

Как Вы думаете, все ли главные мотивации трудового поведения были отражены в этом труде? Не было ли упущено нечто такое, что нашло потом выражение в приватизации, обесценивании ваучеров (за счет выпуска акций владельцами предприятий и сокрытия дивидендов) и т. п. “несоциалистических” формах трудового поведения?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Юлий Иванович! Подробный ответ на Ваш вопрос

содержится в авторских комментариях и Заключение в новом издании книги (“Аспект-Пресс”, 2003 год). Три проблемы мы не проработали достаточно обстоятельно: 1. Специфику поколения; 2. Проблемы культуры труда; 3. Проблематику организации труда (см. стр. 480–482 и др. разделы этого издания книги).

Что касается связи мотивации трудового поведения с последующим ходом развития событий, то она состоит в том, что была зафиксирована довольно высокая доля неудовлетворенности работой. В дальнейшем – в 1983 году – Т.И. Заславская пошла дальше, раскрыв в своем новосибирском докладе незаинтересованность работников в эффективной работе во всем диапазоне социальных отношений. В этом докладе содержался вывод о необходимости радикального изменения производственных отношений социализма. Разумеется, здесь еще не было вывода о приватизации, так как вся общественная мысль до 1989 г. оставалась в пределах общей идеи совершенствования социализма (допускался рыночный вариант как путь совершенствования организации труда). Практика же шла уже в это время дальше – создание кооперативных предприятий было первым

шагом на этом пути, а затем уже разные формы приватизации.

5. Конструирование этноса

Ю.В. Чернявская. Хотелось бы спросить Андрея Григорьевича, разделяет ли он точку зрения В.А. Тишкова о конструктивной природе этноса. Причем, по Тишкову, конструирование осуществляется не этнофорами (непроизвольно), а исследователями в достаточно манипулятивных целях. Подчеркну: речь идет о конструировании не нации, а именно этноса. Такую мысль Тишков настойчиво проводит в книге “Реквием по этносу”. Если Андрей Григорьевич разделяет эту точку зрения, просьба уточнить, какими путями это конструирование происходит.

А.Г. Здравомыслов. Юлия Виссарионовна! В нашей литературе, посвященной проблемам этноса, сложилось по меньшей мере четыре точки зрения по вопросам, которые Вы затрагиваете. Примордиалистское толкование, конструктивистское (В.А. Тишков и некоторые другие), точка зрения этносоциологии (Л.М. Дробижева) и моя позиция, которая малоизвестна. Но она представлена в библиотеке Клуба несколькими публикациями, в том числе и статьей, написанной совместно с А. Цуциевым, – “Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм” (“Социологический журнал”. 2003. № 3).

Валерий Александрович Тишков, руководствуясь весьма похвальными намерениями – обеспечением приоритетности гражданского самосознания над этническим, – упрощает реальное положение дел и игнорирует тот факт, что этническое самосознание складывается в процессе первичной социализации индивида. Оно может быть понято лишь в соотнесении с иными этническими (или национальными – в данном случае большой разницы нет) структурами самосознания. Эти структуры существуют объективно, т. е. независимо от усилий политиков, которые могут в том или ином направлении разворачивать свои действия, играя на оскорбленных чувствах, стереотипах, мифах и т. п. В одних случаях они могут действительно способствовать усилению гражданских чувств (но

для этого нужна очень высокая политическая культура), в других – и это бывает гораздо чаще, к сожалению, – они пробуждают низменные инстинкты, дремлющие в сознании доцивилизованного человека. С такой практикой мы, увы, только что столкнулись и в известной передаче “К барьеру”², и в отвергнутом письме некоторых парламентариев, и т. д.

Законь социальной жизни таковы, что политические интересы проникают всюду. Любое новое недовольство уже сложившиеся политические силы обязательно используют в своих целях

Этническое самосознание народа – очень тонкий инструмент, в нем осуществляется постоянное сопоставление “нас” и “их”. Моя точка зрения называется “*релятивистская теория нации*”. Помимо названной публикации она выражена в Предисловии и Заключении моей последней книги “*Немцы о русских на пороге нового тысячелетия*”. Думаю, что она присутствует и в самом содержании этой книги.

6. О мотивации политического участия молодежи

Д.Е. Москвин. Уважаемый Андрей Григорьевич! В последние месяцы особенно возросло количество акций протеста, которые организуются теми или иными молодежными организациями. Как Вы считаете, этот процесс связан с естественными социальными и политическими процессами в России (недовольство политикой властей, отсутствие иных каналов для выражения своего мнения и донесения своей позиции до власти)? Или же молодежь является лишь инструментом в руках неких политических сил?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Дмитрий Евгеньевич! На мой взгляд, при анализе молодежных движений и группировок важно обращать внимание на их содержательные характеристики, через которые можно подойти и к ответу на Ваш вопрос. Есть более или менее автономные

² Имеется в виду передача “К барьеру!” с участием А. Макашова, вышедшая в эфир на телеканале НТВ в первой декаде февраля 2005 года (*Примеч. ред.*).

движения и инициативы, например организация конкурсов и состязаний различного типа. Есть и противоположные варианты, заведомо манипулируемые или направляемые на разжигание национальной розни.

В целом же законы социальной жизни таковы, что политические интересы проникают всюду. Любое новое недовольство уже сложившиеся полити-

Всякий акт познания может рассматриваться как освоение послания. Послание может быть истинным, ложным, в какой-то части истинным, в какой-то ложным

ческие силы обязательно используют в своих целях, или, как Вы пишете, превращают молодежь в “инструмент” в своих руках.

Кстати, нынешняя ситуация характеризуется повышением социальной активности не только молодежи, но и пенсионеров. Механизм развития ситуации здесь таков: правительство совершает ошибку (не учитывает реальных интересов или мнения значительных слоев населения) – возникает массовая реакция протеста, требующая исправления ошибки, – эту реакцию стремятся (вполне законно) использовать политические партии: а) более четко формулируя задачи протеста, б) организуя акции протеста, в) привлекая внимание к своей партии.

7. Теория познания

Е. Алексенцева-Тимченко. Уважаемый Андрей Григорьевич! Мой вопрос касается теории познания, а именно – понятий, раскрывающих ее.

В основном гносеологию и эпистемологию отождествляют. Хотя, на мой взгляд, эти понятия различны. А если и существуют в литературе различия, то объяснения по этому поводу довольно запутанны. Не будете ли Вы столь любезны разъяснить, в чем, по Вашему мнению, различие между эпистемологией и гносеологией?

 А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Екатерина, гносеология – не моя специализация. В со-

циологии такие тонкие различия, о которых Вы пишете, просто не учитываются. И все же я решил посоветоваться со специалистом, в качестве которого почитаю известного, ныне живущего Эриха Юрьевича Соловьева. Он подтвердил то, что Вы утверждаете в Вашем вопросе, а именно, – что существенных различий между терминами не существует. Некоторым авторам термин “гносеология” просто надоел, и они употребляют якобы более современный термин “эпистемология”. В обоих случаях имеется в виду теория познания.

Однако, размышляя далее над этим вопросом, я обращаю внимание Ваше на следующие тонкости.

Гносис = знание, стремление к истине.

Эпистемология идет от другого корня – эпистола = послание³. Всякий акт познания может в этой связи рассматриваться как освоение послания. Следовательно, употребление этого термина имеет в виду многозначность воспринимаемой реальности, неоднозначность содержания самого знания, ибо послание может быть истинным, ложным, в какой-то части истинным, в какой-то ложным. Оно предполагает также наличие субъекта послания, который может руководствоваться разными намерениями, и т. д. Вот здесь уже вступает в силу социологическая проблематика: чем определяются мотивы субъекта послания и мотивы воспринимающего послание (субъекта познания). Реальная социальная коллизия и драма убежденности в истинном знании и успехе дезинформации – начало Великой Отечественной войны. Немцы уже перешли границу, а Сталин все еще приказывал не давать повода для провокаций.

8. Социология в районных городах

К.Н. Михалицын. Уважаемый Андрей Григорьевич, скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, с чего можно начать исследования в небольшом городке (150 тыс. чел.) в области маркетинга, чтобы добиться результата максимально объективного?

 А.Г. Здравомыслов. Уважаемый Константин Николаевич! Маркетинговые исследования в небольшом городе – дело кропотливое. С чего начать? Во-первых, определить структуру

³ Более традиционный взгляд на этимологию слова “эпистемология” связывает его происхождение с греческим словом *epistēmē* – истина (см., напр.: “Российский энциклопедический словарь”. М. 2000. Т. 2. С. 1850). (Примеч. ред.)

фирм, заинтересованных в такого рода исследованиях.

Во-вторых, попытаться разобраться со структурами рынков. Ведь даже в небольшом городке есть спрос на самые разные товары и услуги, и, следовательно, есть не просто рынок, а рынки. Например, рынок стройматериалов или рынок по обслуживанию автотранспорта, или рынок женской парфюмерии, продуктов питания и т. д.

Маркетинговое исследование должно быть точно направлено. Кто продает? Что продает? Кто покупает? На каких условиях? Качество предлагаемой услуги, товара? Чего хочет заказчик – расширять дело и свой рынок за счет расширения потребителей, и тогда – на какой уровень он может опустить цены для решения этой задачи? Или он хочет работать на наиболее зажиточный круг людей и способствовать созданию городской элиты? Здесь – изучение турфирм. Но важно, чтобы был заказчик, с которыми Вы должны обсуждать проект исследования и заслужить у него доверие. Есть ли конкуренты, возможно ли объединение их интересов?

Итог маркетингового исследования – описание ситуации спроса и предложения, сравнения по интервалам во времени – например по месяцам – и т. д.

Франц Эдмундович Шереги в Москве – один из наиболее продвинутых специалистов в маркетинговых исследованиях. Я бы посоветовал связаться с ним и проконсультироваться.

9. Дистанционное обучение

А. Соловей. Уважаемый Андрей Григорьевич! Как Вы считаете, возможно ли будет создание высших учебных заведений, специализирующихся на дистанционном обучении студентов (например, с помощью сети интернет), и оправданно ли будет их создание?

А.Г. Здравомыслов. Уважаемая Антонина!

В практике ГУ–ВШЭ широко используется электронная переписка преподавателя со студентами. Она не заменяет непосредственного общения, но интернет предоставляет новые и весьма существенные ресурсы, которыми мы сейчас и пользуемся.

В чем Вы видите препятствие?

Комментарий А.Г. Здравомыслова к интернет-беседе

Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить всех участников состоявшейся беседы. Отмечу, что приняли участие в ней девять человек, но вопросов было задано гораздо больше. Некоторые авторы вопросов имеют достаточно высокую профессиональную подготовку (или стремятся к ней), у других проявляется любительский интерес (взгляд на социологию со стороны).

Теперь можно произвести некоторую классификацию самих вопросов и прокомментировать их, возможно, внося некоторые уточнения в мои ответы. Мне представляется, что вопросы могут быть сгруппированы в четыре рубрики:

1. Общие вопросы социологической теории (*вопросы 1, 2, 3*);
2. Вопросы, относящиеся к некоторым направлениям социологии (социология труда, социология молодежи, социология этничности) (*вопросы 4, 5, б*);
3. Экзотический вопрос о гносеологии и эпистемологии (*вопрос 7*);
4. Вопросы прикладного характера (*вопросы 8, 9*).

Что касается моих ответов, то я пытался не выходить за пределы заданных вопросов и стремился

В любой системе образования следует поддерживать должное качество отношений “учитель-учащийся”. Здесь не может быть ни равенства, ни тем более панибратства. Это, пожалуй, наиболее сложная задача

ответить по существу, по возможности “не растекаясь мыслью по древу”. Думаю, что приведенные мною ссылки на источники, в которых более основательно и в печатной форме рассматривается тот или иной вопрос, имеют значение, если спрашивающий захочет более основательно разобраться в существе вопроса.

Начну с прикладных вопросов (К. Михалицын и А. Соловей), которые трудно комментировать. Хотелось бы через некоторое время узнать, как же обстоят дела у К.Н. Михалицына, что будет способствовать успеху, что станет главным препятст-

вием, и найдет ли он поддержку своим начинаниям.

Что касается перспектив использования интернета в практике преподавания, то здесь есть одна трудность, которую, возможно, А. Соловей имела в виду, но не решалась высказать. Эта трудность состоит в том, что студенты при написании эссе или рефератов не обременяют себя действительной проработкой материала и работой с книгой или журналом. Чаще они пользуются активно поисковыми системами и ресурсами интернета, не вни-

Бедное население России не формируется как класс с едиными интересами, да и “новые русские” не имеют единой классовой платформы, объединяющей их в политическом отношении

кая в содержание проблематики. Более того, студенты, принадлежащие к обеспеченным семьям или имеющие высокие заработки на стороне, пользуются заказными материалами и таким образом создают видимость овладения знаниями. Бывает, что они “качают права” при сдаче экзамена и оказывают давление на преподавателя. Это зависит от атмосферы вуза или факультета. Там, где студент рассматривается в качестве “клиента”, а преподаватель – в качестве “работника сферы услуг”, может складываться нездоровая атмосфера преподавания-обучения. Таковы издержки коммерциализации образования.

Но против этого можно использовать несколько средств: письменные материалы обязательно дополнять устным собеседованием и таким образом ставить оценку студенту за вербальное овладение изучаемым предметом; преподаватель может овладеть средствами электронного контроля; администрация факультетов, вузов, сами кафедры не должны допускать хамства со стороны студентов. В любой системе образования следует поддерживать должное качество отношений “учитель-учащийся”. Здесь не может быть ни равенства, ни тем более панибратства. Это, пожалуй, наиболее сложная задача.

На примере этого вопроса видно, как меняется его содержание – из прикладного он превращает-

ся в многогранный, затрагивающий самые чувствительные нервы системы современного образования.

Теперь обратимся к вопросам теоретического характера.

В эту группу я отнес три вопроса. Два из них (вопросы Г. Витрука и В. Аникина) исключительно многоплановы. Третий вопрос (Ю. Тищук) краткий, но очень важный: о прогнозировании тенденций политического развития страны.

В своем ответе я опираюсь на теорию стратификации и на социологию конфликта. В России – как и во всяком сложно организованном обществе – одновременно действуют разные, подчас противоположные тенденции. Какая из них одержит верх, предсказать никто не может. В 80-е годы лишь несколько известных мне авторов прогнозировали распад СССР. Это американский социолог Рэндалл Коллинз и эксперт по истории (ныне член Французской Академии) Элен Каррер д’Анкосс. Но эти прогнозы никто не принимал тогда во внимание. Даже позже – на начальном и среднем этапе перестройки – никто из российских политиков не анализировал возможности распада государственности и тотальности социального кризиса 90-х годов. Общий фон российской политики ныне заключается в продолжающихся высоких темпах социальной дифференциации. В то же время эта дифференциация не означает классового конфликта. Бедное население России не формируется как класс с едиными интересами, да и “новые русские” не имеют единой классовой платформы, объединяющей их в политическом отношении.

К тому, что было уже сказано в моем ответе, мне хотелось бы сделать несколько добавлений. Во-первых, я считаю, что это самый серьезный вопрос из всех заданных. Это значит, что к этому вопросу каждому из нас придется возвращаться вновь и вновь. Во-вторых, к тем тенденциям, которые были мною обрисованы, можно было бы добавить количественные данные. Так, в книге “Россия – новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс” (Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: “Наука”, 2004) можно найти следующие результаты. Четвертая часть населения страны (в абсолютных цифрах – около 35–40 млн человек) в 2003 году жила в состоянии реальной бедности (измеряемой не просто низкими доходами, а недостатком питания, плохими жилищными условиями, невозможностью своевременно обновлять гардероб

и иными неудовлетворенными жизненными потребностями). И только 5% вели такой образ жизни, который соответствует в массовом представлении образу жизни богатых людей (см. с. 21–22). В-третьих, важно обратить внимание на то, что пропасть между богатством и бедностью возникает во всех регионах страны. И, следовательно, решение проблемы связано не только с макропроцессами, происходящими на общероссийском уровне, но и с политикой региональных властей. Практически именно этот уровень власти играет если не решающую, то очень важную роль как в создании, так и в разрешении обозначенных социальных проблем.

Еще раз повторю, что, по сути дела, вопрос о тенденциях развития России важен потому, что в нем поставлены проблемы стратификации общества, различия интересов социальных групп, потенциальных конфликтов, которые обязательно будут влиять на каждое событие общественной жизни. Эти конфликты в концентрированной форме сосредотачиваются во властных сферах, во взаимоотношениях власти и общества, властных структур и населения. Но конфликты в России носят многополюсный характер (а не двухполюсный, как это имело место в Европе в XIX веке). Это значит, что поле политики становится более сложным и многомерным.

Вопрос В. Аникина о новых критериях стратификации, по сути дела, касается той же проблемы. Стили жизни стали несравненно более разнообразными, чем в советское время. Если в четко очерченном классовом обществе человек проживает одну судьбу, то в современном обществе человек на протяжении своей жизни претерпевает столь серьезные изменения, что они уже не укладываются в понятие “одной судьбы”. И эта тенденция расширения вариантов и возможностей социализации будет возрастать.

Отсюда и значимость того, о чем спрашивает Г. Витрук, – о нормах и ценностях совместной жизни, о культуре регулирования конфликтов, об усвоении правил общежития, соблюдение которых остается важной предпосылкой существования общества, как бы оно ни называлось.

К вопросу об изучении трудовой мотивации я хотел бы сделать следующее добавление. Кризис советского общества проявлялся в нарастании неудовлетворенности работой, трудом, утратой ценностных ориентиров трудовой и управленческой деятельности. Постсоветское развитие, основан-

ное на институтах частной собственности, не сформировало еще адекватной общей мотивации. Крупный капитал не осознает своей ответственности за положение дел в обществе, за процесс пауперизации населения. Средний и мелкий бизнес оказался в весьма тяжелом положении. Огромные массы трудящегося населения (инженеры, квалифицированные рабочие, врачи и учителя, представители иных массовых профессий) выбиты из колеи, они попали под колесо деиндустриализации и депрофессионализации. И мотивы, основанные на уверенности в стабильности рабочего места, на уважении к квалификации и профессии, оказались подорванными. Огромная масса людей попала в водоворот нисходящей социальной мобильности, что во многих случаях означало психологический крах – неумение и нежелание приспособливаться к доминированию рыночных отношений.

В этих условиях в самой социологии наиболее массовое распространение получила адаптационная модель проведения опросов, в которой заложено представление о пассивности личности. Со-

Если в четко очерченном классовом обществе человек проживает одну судьбу, то в современном обществе человек на протяжении своей жизни претерпевает столь серьезные изменения, что они уже не укладываются в понятие “одной судьбы”

гласно этой модели, человек осознает лишь один мотив – приспособление к новым условиям, которые якобы создаются помимо его самого.

На мой взгляд, более конструктивным является представление о человеке как субъекте своей собственной жизни. И это представление предполагает более детальный анализ трудовой, социальной, политической и нравственной мотивации поведения, людей, основанное на оценке многообразия реальных ситуаций и способов ориентирования личности в современном мире, на отношении к тому социальному капиталу, который – так или иначе – оказался задействованным в новых жизненных обстоятельствах. ■